

ОТНОШЕНИЕ «ГРАЖДАНИН–ПОЛИС» В СИСТЕМЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ*

Существование греческих полисов восточных провинций в системе огромной державы приводило к различным последствиям: экономическим, политическим, социально-психологическим. Важнейшим из них было постепенное отчуждение жителя античного полиса от государственных и общественных структур.

Римляне застали в Восточном Средиземноморье полисы с достаточно сложными внутренними связями. Гражданский коллектив в городах, включенных в состав эллинистических монархий, был противопоставлен окружающему местному населению: граждане обладали правом собственности на землю, правом доступа к общественной (храмовой) земле в форме аренды (как об этом свидетельствуют арендные договоры Олима–Миласы¹), а также участвовали в различного рода мероприятиях (празднества, общественные обеды, раздачи), устраиваемых за счет доходов полисов. Сохранение полисных форм самоуправления отличало их от местных деревень. При внешнем существовании и в период Империи полисных органов управления, общественных празднеств и т.п., ситуация изменилась достаточно резко.

Уже в период Республики римляне не только поселялись в провинциальных полисах (главным образом это относится к богатым городам провинции Азии), но и покупали там землю. О таких покупках упоминает, в частности, Цицерон в речи, принесенной в защиту Флакка (46; 51). Переселившиеся римляне не становились гражданами городов, но не включались они и в какую-либо статусную группу неграждан. В надписях они упоминаются просто как римляне или «проживающие римляне». При этом они могли присоединяться к постановлениям, которые издавали полисы: известны декреты, принятые от имени буле, демоса и οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι (MAMA VI. 177; 180; 183; 372); декрет Гиераполя приняли буле, демос и синедрион римлян (IGR IV. 818).

Особое положение занимали те жители греческих городов, которые получали римское гражданство, и императорские вольноотпущенники, как, например, Флавий Архипп (по-видимому, вольноотпущенник Домициана), о котором мы знаем из переписки Плиния с Траяном (X. 58–60; 81). Этого человека уличили в подлоге, его осудил проконсул, но он избежал наказания и даже занимал кресло судьи. Во время правления Домициана полис вынужден был оказывать ему почести и ставить статуи. Характерно, что и после гибели Домициана Архипп продолжал спокойно жить и даже выступил с обвинениями против Диона Хрисостома. Такие люди были частью имперской системы и избавиться от них было очень трудно.

Появление всех этих людей – неграждан-римлян, которые занимали более высокое положение, чем граждане полисов, вольноотпущенников, которым полис вынужден был подчиняться, – приводило к тому, что полисное гражданство, полисная солидарность теряли свою ценность. Становится возможным «множественное гражданство» – обладание правами в нескольких полисах, подчас расположенных в разных провинциях (например, Аврелий Поликарп был гражданином Кибирь, Филадельфии, Лакедемона, Афин, Эфеса, Николополя – IGR IV. 1761; ср. MAMA VIII. 42). Одна надпись I в. н.э., найденная на Хиосе, упоминает некоего Юста Эфесца Тиберита (возможное восстановление – Тибериополит², не исключено, что это – известный иудейский историк Юст

*Текст доклада, прочитанного на Международном симпозиуме «Древние империи и имперские идеологии» (Москва, 9–10 сентября 1996 г.).

¹Эти договоры опубликованы в BSA. 1917/18. 22. Храмы даже специально покупали землю для сдачи ее в аренду гражданам.

²BSA. 1964. 59. P. 36.

из Тивериады). Множественное гражданство было почетным: среди таких граждан были победители на различных спортивных играх.

В период Империи постепенно теряло свое значение противопоставление граждан и неграждан. В официальных полисных надписях постепенно уменьшается число терминов, обозначающих различные категории неграждан, а некоторые исчезают совсем. Вместо пареков, метеков, вольноотпущенников, встречавшихся еще в надписях I в. до н.э., стали употребляться общие обозначения, например, «граждане и все проживающие» (ἔπιδημιοῦντες – Тиатиры: IGR IV. 1273). Неграждане принимали участие в празднествах, чествованиях благодетелей³, раздачах. Ощущение общечеловеческой, а не только гражданской общности, которое начало формироваться еще в период эллинизма, ярко выражено в надписи времени Империи из небольшого карийского городка Панамары: в празднестве в честь бога-покровителя города Зевса Панамарейского приглашаются участвовать все граждане, ксены, рабы, женщины и «все люди населенного мира»⁴. Разумеется, организаторы празднества не рассчитывали на прибытие к ним жителей всей ойкумены, своим приглашением они стремились поднять престиж местного праздника, но употребленная ими формула показывает, что преимущества гражданства уже настолько не осознавались, что упоминание о них исчезает из риторических оборотов.

В поведении граждан изменение системы ценностей сказывалось и в отношении к полисным должностям и обязанностям. Еще в период эллинизма в некоторых городах практиковалась продажа жреческих должностей, причем покупатель освобождался от выполнения важных литургий: так, в Приене купивший жречество за шесть тысяч драхм освобождался от устройства состязаний, гимнасиархии, содержания лошадей, лампадархии и др., а купивший за двенадцать тысяч драхм – и от триерархии, исполнения обязанностей эконома и неопея⁵. В римское время освобождение от литургий могли получить наиболее почтенные люди города⁶. То, что стремление освободиться от общественных обязанностей и выполнения полисных магистратур не было частным случаем, показывает «Наставление о государственных делах» Плутарха. Сам факт появления подобного сочинения (как и других наставлений) говорит об известном неблагополучии в этой сфере деятельности. Плутарх стремится на примерах прошлого рассказать о достойном поведении государственного мужа. При этом он отмечает, что его современники охотятся за участием в управлении провинцией, оставляя дела родного города и доживая до старости у чужих дверей (18). Люди, волею судьбы оказавшиеся причастными к общественным делам, не получив славы и власти, сетуют на участь человека, вынужденного заниматься государственными делами (2).

Членство в буле в ряде городов могло носить чисто символический характер, наряду с множественным гражданством существовало и множественное членство в буле: так, уже упомянутый Аврелий Поликарп был булевтом во всех городах, где он имел гражданство, – трудно предположить, что он мог реально выполнять свои обязанности. Должности не только булевтов, но и жрецов местного культа порой были номинальными: так, некто Трасон из Гиеракоме, согласно надписи в его честь, в десять лет занимал должность верховного жреца, а в шестнадцать – жреца Зевса Панамарейского (ВСН. XI. 1887. Р. 32). Такая ситуация не могла не приводить к потере авторитета и полисных властей, и самой идеи полисного самоуправления.

Но не следует думать, что процесс отчуждения от полисных структур был завершен в первые века существования империи. Стремление проникнуть в римскую администрацию провинций непосредственно или через личные дружеские связи (о чем

³В частности, это отмечено в херсонесском декрете II в. н.э. в честь римского военачальника, спасшего город от опасности (текст декрета см. *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48 слл.).

⁴*Laumonier A.* Les cultes indigènes en Carie. P., 1958. P. 327.

⁵*Inscriptionen von Priene.* В., 1906. 13; 26; 82; 83; 108.

⁶Например, архиатр из Сидимы – ТАМ II. 221.

пишет тот же Плутарх) сочеталось с благодеяниями, которые местная провинциальная знать оказывала своему родному городу. Дарения, пожертвования, возведение зданий, устройство празднеств на частные средства достаточно часто упоминаются в надписях восточных провинций. Правда, мы не можем оценить, насколько эти деяния были выражением искренней заботы о своем полисе, а насколько – способом приобретения влияния, прямой связи между местным населением и центральной властью. Но и оказывая благодеяния, представители провинциальной знати в определенном смысле ощущали свою оторванность от города, который они называли «сладчайшей родиной». В этом отношении показательна надпись о дарении участка земли городу Ариассу, сделанном архиереем Августом Диотимом. Дарение это, зафиксированное в надписи, сделано в форме письма Диотима, адресованного архонтам, буле и демосу. Л. Робер отмечает редкость случаев, когда письмо гражданина городу высечено на камне⁷. Диотим уже не чувствует себя членом демоса Ариасса, он как бы дистанцируется от полиса, к которому обращается с посланием, как некогда обращались к городам эллинистические монархи.

В условиях падения роли гражданских связей постепенно ослабевали и другие связи между людьми, традиционные для античного мира: связи между членами фратрий, фил и даже семейные связи. Плутарх с горечью пишет в «Наставлении», что в его время люди, связанные принадлежностью к филе, соседством, родством, вместо того, чтобы при каких-либо конфликтах проявлять взаимную уступчивость (т.е. решать дела в узком кругу), отдают свои разногласия в руки стряпчего (19). На разрушение семейных связей указывают и некоторые надгробные надписи, в которых специально оговаривается, что в склепе не должен быть похоронен никто, кроме владельца склепа, или даже прямо говорится, что там нельзя хоронить наследников⁸.

Отчуждению рядового жителя империи от традиционных гражданских форм жизни способствовали и столь распространенные и столь возможные в рамках империи переселения из города в город, из провинции в провинцию. В «Деяниях апостолов» среди первых христиан упомянуты такие переселенцы, например, Лидия, торговка багрянницей: она жила в Филиппах, а происходила из Тиатиры (16: 14); Акила, соратник апостола Павла, был иудей родом из Понта: он перебрался в Рим, был оттуда изгнан вместе с другими иудеями, но не вернулся на родину, а обосновался в Коринфе, где занимался изготовлением палаток (18: 2). Среди скульпторов Эфеса, упомянутых в надписях, встречаются самосец, паросец, карфагенянин⁹. Сохранилось надгробие двух поколений семьи, переселившейся из г. Минда в г. Кедреи (SEG 18. 441). О том, какое количество провинциалов переселялось в Рим, с точностью судить трудно, но, безусловно, столица притягивала и знать и простой люд.

Особенностью общественной жизни в империи было существование больших ассоциаций, формально объединявших значительное число членов. Как правило, такие ассоциации были связаны с администрацией и императорским культом и представляли собой своеобразную организацию, создававшую поддержку (можно сказать, общественную) центральной власти. Так, существовало объединение римлян и эллинов Азии (IGR IV. 860), глава которого был верховным жрецом императорского культа. Собрание греков и римлян могло обращаться прямо к императору по поводу спорных вопросов, связанных с деятельностью наместника. Эта организация была достаточно аморфна, вряд ли в ней реально могли участвовать свободные жители провинции в сколько-нибудь значительном числе: именно неопределенность структуры и размеры объединения приводили к тому, что действовали только руководители ассоциации. Но психологически сама идея объединения эллинов и римлян приводила к вытеснению полисного менталитета имперским.

Внутри греческих полисов важную роль играл императорский культ, который способствовал включению городов в имперскую систему. К организации празднеств в

⁷Robert L. *Études anatoliennes*. Amsterdam, 1970. P. 378 suiv.

⁸Ibid. P. 309; MAMA VIII. 543.

⁹Die Inschriften von Ephesos. Bd II. Bonn, 1979. 510, 511, 516.

честь императора привлекались и общественные ассоциации, такие как союзы старцев и молодых. В отличие от небольших религиозных товариществ классического времени (например, объединение граждан, почитавших Геракла в Афинах, насчитывало всего 18 человек – IG II². 2443), возрастны́е союзы были достаточно многолюдны. Герусия в Эфесе включала в себя более 300 человек, в Сидиме – около ста; в герусии фригийского города Себасте был 71 человек¹⁰. Вряд ли все эти люди близко знали друг друга и испытывали удовлетворение от личных контактов. Но участие в таких объединениях позволяло представителям городских верхов обратить на себя внимание центральной власти, а для выходцев из низов обеспечивало участие в общественной жизни (а может быть, и какие-либо другие блага). Так, первым гимнасиархом в Сидиме стал выходец из демоса, а не из сословия булевтов (в надписи Сидимы отдельно даны имена булевтов и демотов). Многие гимнасиархи занимали разные должности, в том числе связанные с императорским культом. В Дорилее гимнасиарх герусии был одновременно жрецом императорского культа. В состав таких союзов входили люди даже темного происхождения: в списке Сидимы один из них назван сыном неизвестного отца¹¹. В редких случаях в союзах могли участвовать и женщины (г. Себасте). Таким образом, существование подобных объединений вопреки полисным традициям привлекало к выполнению общественных обязанностей – прежде всего связанных с императорским культом как воплощением идеи единой империи – людей самого разного положения, которые иначе не могли занять сколько-нибудь заметную позицию в своем городе. Однако начиная с III в. упоминания о возрастны́х союзах резко сокращаются. Это может быть связано с формализацией императорского культа и радикальной переменой в религиозном сознании жителей империи. В надписях III в., когда императоры сменяли друг друга, порою процарствовав совсем немного, каждый император назывался «наибожественнейшим из когда-либо бывших» (см., например, OGIS 519). Такие выражения скорее отвращали, чем привлекали основную массу населения к культу императора.

Но разрушение традиционных связей требовало какой-то замены: имперская идея не могла спасти рядового человека от ощущения своего одиночества и потерянности в огромной державе. В период Империи дальнейшее распространение в восточных провинциях получают небольшие религиозные союзы почитателей самых разных (но не римских!) божеств. Союзы эти, по-видимому, были немногочисленны. Они устраивали совместные пиршества: как правило, среди должностных лиц союзов были симпосиархи. В ряде уставов фиксировались нормы поведения их членов: эранисты из Аттики оговаривали, что к ним может присоединиться только чистый, благочестивый и благородный человек (II в.); почитатели Диониса из Македонии (тоже II в.) запрещали членам союза – буколам и менадам – возбуждать и ругать друг друга¹². Термины, обозначавшие подобные объединения, были различны: койна, фиасы, эраны (реже); интересно появление в надписях времени Империи слова *συμβίωσις*, относящегося к объединению людей. Симбиос – совместное проживание (ср. Polyb. V. 81. 2, где речь идет о пребывании Теодота у царя Птолемея), жизнь в браке и т.п.; это слово могло применяться к сообществу, причем такому, которое, как полагает Л. Робер, носило не религиозный, а скорее увеселительный характер (такой «симбиос» существовал в районе Смирны, он назывался *συμβίωσις τῶν Ἐϋπρερίων*, входило в него всего десять человек)¹³. Мы не знаем, жили ли эти люди реально вместе или только проводили вместе время, но воспринимали они свои отношения как совместную жизнь – не в семье, не в традиционном сообществе, а именно в дружеском кругу (словарь Liddell–Scott–Jones предлагает переводить «симбиос» как «клуб»). В рели-

¹⁰О возрастны́х союзах см. *Свенцицкая И.С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастны́х союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33–51.

¹¹Возможно, незаконнорожденным был Аврелий Зосим, сын Афродисии, штраф за осквернение могилы которого шел герусии (TAM II. 320).

¹²*Sokolowski F.* Lois sacrées de cités grecques. P., 1969. № 53, 181.

¹³*Robert.* Op. cit. P. 65; возможно, в Пергаме также был союз, называвшийся «симбиос» (ibid. P. 63).

гиозные союзы еще со времен позднего эллинизма могли входить люди разного статуса и различной этнической принадлежности. В известном союзе из малоазийской Филадельфии I в. до н.э. были и свободные, и рабы, и мужчины, и женщины¹⁴. Уставы союзов римского времени не предусматривают ограничений, связанных с негражданским статусом. А среди почитателей Мена Аскения в III в. были жители деревень, переселенцы из разных городов, вольноотпущенники, рабы. Они носили греческие, фригийские, римские имена; надписи поставлены не только на греческом, но и на латинском языках – т.е. в этом союзе (ξένοι текτορείοι) были и выходцы из западных регионов империи¹⁵. Подобно первым христианским общинам, такие союзы не были включены ни в какую политическую или общественную структуру империи. Они не были ни официальными, ни традиционными. Их появление и распространение, с моей точки зрения, было связано со стремлением преодолеть отчуждение от некогда целостных форм существования, прежде всего, в рамках античного полиса. Они были следствием разрушения полисных структур под давлением огромной державы и в свою очередь способствовали этому разрушению, поскольку новые общности – от религиозных фиасов до «деидеологизированных» клубов – в полисных связях уже не нуждались.

Наиболее ярко это отчуждение было выражено в идеологии первых христиан, для которых, как сказано в Послании к Диогнету, «всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна» (гл. 5). Воспринимая свое пребывание в земном мире как временное, христиане выбирают для обозначения такого своего отношения термины, какими официально в городах восточных провинций назывались именно неграждане, поселенцы: так, в I Послании Петра (2: 11) автор обращается к ним как к παροίκους καὶ παρεπίδητους. Для христиан правовой смысл этих слов больше не имел никакого значения¹⁶. Они жили уже в иной, новой системе ценностей. В мою задачу не входит разбор этих ценностей, но хочу заметить, что миссионерская проповедь христиан была адресована широким слоям населения, и сам выбор тех или иных словосочетаний должен был привлекать и слушателей из язычников. А значит и для них подобные определения не вызывали прямых ассоциаций с негражданами: они были пришельцами, временными жителями на земле, как и все остальные люди. Разрушая замкнутый мир полиса, империя объективно создавала предпосылки для зарождения потребности в иных общностях, не связанных ни с полисом, ни со службой государству, во всяком случае пока это государство существовало в виде мощной бюрократической державы.

И.С. Свенцицкая

CITIZENS AND POLIS IN THE ROMAN EMPIRE: THE PROBLEM OF ALIENATION

I.S. Svetsitskaya

In the Roman period the system of polis citizenship was gradually disintegrating. There were Roman colonists who freely purchased city land, imperial freedmen ranking above citizens: with their arrival on the scene polis citizenship began to lose its importance. Romans in the Greek cities did not become *metoeci*, but just «Romans»; they took part in polis government functions: some decrees were issued jointly by the people's assembly, Council and «dwelling Romans». It was possible to receive citizenship in more than one polis without residing in each polis and become members of *Boule* in many cities at the

¹⁴Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1954. № 20.

¹⁵Ramsay W. The Tekmorean Guest Friends // JHS. 1912. XXXII. P. 151 ff.; Hardy M. The Shrine of Men Askaenos // Ibid. P. 111 ff.

¹⁶Определение «пареки» употреблено и в Послании к Диогнету, где сказано, что христиане живут в своем отечестве как пареки, они имеют участие во всем как граждане и все терпят как чужестранцы. Здесь еще раз проявляется и подчеркивается несущественность деления на граждан и чужаков.

same time (e.g. IGR IV 1761). The sharp contrast between a citizen and a non-citizen lost its significance. Some terms used to describe the non-citizen status disappeared from official inscriptions: all non-citizens were called *ksenoi* or ἐπιδημοῦντες πάντες. The ties of citizenship, of membership in tribes and *fratria* were losing their meaning. Plutarch complained that many relatives, neighbours, members of the same *fratria* did not want to use internal dispute resolution methods, but opted instead to hire lawyers. Some citizens in the I–II centuries did not want to do public service. In the Roman empire there appeared official and semi-official unions tied with the Roman administration and the imperial cult (such as «Assembly of Greeks and Romans of Asia» or various unions organized by age groups). The members of such large unions (in Ephesos there were 300 members of *gerousia*) did not know each other and could not have personal contacts with one another.

Besides such official associations there were smaller unions in Greek cities. They had their own sanctuaries, worshipped their own (mostly Eastern) gods. These unions admitted people of different strata and nationality. Being a citizen offered no special privileges when it came to participating in a union. The existence of such groups may have been linked to the destruction of the Greek polis and probably hastened that destruction. This process took place under pressure from the huge world power and was caused by growing alienation of individuals from traditional structures of ancient society.

Историческая география античного Причерноморья

От редакции

С этого номера наш журнал начинает дискуссию в рамках международного «круглого стола» «Историческая география античного Причерноморья», предусматривающую публикацию исследовательских статей и материалов по различным аспектам этой важнейшей проблемы истории древних государств на берегах Черного моря. В ходе дискуссии предполагается затронуть вопросы, связанные с заселенностью Причерноморского региона в эпоху античности, выявить характер географических представлений об этом районе. Важное место в дискуссии займет источниковедческий анализ свидетельств древних географов о Причерноморье, проблема локализации античных поселений по нарративной традиции и в свете новых исследований археологов. Предполагается публикация статей о локализации и местоположении древней Синдской Гавани и Синда в связи с последними находками в античной Горгииппии. Значительное внимание будет уделено новым данным по исторической географии Херсонеса Таврического и его хоры, в частности, вопросу о зависимости пространственной структуры его аграрной территории от природно-климатических условий. Эти же проблемы мы намечаем обсудить и применительно к другим областям Причерноморья.

Существенное место в дискуссии будет уделено определению мест переправ через Боспор Киммерийский в связи с новыми данными археологии по локализации «малых» городов Боспора. Предполагается также опубликовать статьи по исторической географии Западного и Восточного Причерноморья, а также по определению границ эллинистических царств и греческих городов-государств в Южном Причерноморье.

Редакция обращается к авторам журнала, желающим принять участие в дискуссии, с просьбой присылать статьи по всем вопросам, связанным с тематикой этого международного «круглого стола».